

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А.М. Мамадалиев *

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ СОБАК НА КАВКАЗЕ (НАЧАЛО XX ВЕКА): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Применение животных в правоохранительных органах практикуется давно и достаточно широко. Однако вопросы, связанные с анализом подобного опыта, в том числе и царской России, в научной и специальной литературе освещены крайне скудно, хотя использование, к примеру, служебных собак поднимало работу сыскной полиции на качественно новый уровень, что отмечено в циркуляре помощника наместника Его императорского Величества на Кавказе по гражданской части Н. Петерсона: «Опыт применения полицейских собак к делу сыска в течение последних лет не только за границей, но и в пределах России, вполне доказал весьма существенную пользу этого нововведения в области полицейского дела, давшего в результате подавляющий процент случаев открытия злоумышленников» [1]. Использование служебных собак – неотъемлемая часть сыскного дела, поэтому анализ данного вопроса представляется нам весьма актуальным.

Сеть питомников расширялась с каждым годом, охватывая даже отдаленные регионы (например, города Владивосток, Вер-

ный и др.). Животные не только способствовали повышению раскрываемости преступлений, но и значительно облегчали «труд чинов полиции», экономя и время, и деньги [2]. При этом применение собак не ограничивалось рамками полицейской службы: их использовали для охраны железных дорог, в тюрьмах, а также в военно-санитарных целях (служебная собака доставляла медикаменты раненному солдату и/или эвакуировала его с поля боя). По мнению Н. Петерсона, результаты привлечения дрессированных собак к сторожевой, охранной и сыскной деятельности «вполне оправдываются» [3].

Несмотря на очевидные выгоды использования дрессированных животных, их применение в полицейской службе в некоторых районах Кавказа не только не пользовалось популярностью, но и встречало противодействие. Власти (в лице самого наместника на Кавказе) по возможности старались не обременять полицеймейстеров этим нововведением: приобретение и обучение собак осуществлялось за государственный счет, равно как и обучение полицейских методике дрессировки. Тем не менее полицейские

* Мамадалиев А.М. – к. п. н., доц. каф. отечественной истории СГУТиКД.

не только отказывались использовать собак, но иногда делали все, чтобы дискредитировать их возможности при проведении розыскных мероприятий.

Н. Петерсон с негодованием писал: «Если достойно осуждения совершенно непонятное равнодушие чинов полиции к вопросу о привлечении полицейских собак в случаях только что совершенных преступлений, когда при соблюдении требований, указанных в основных правилах служебного применения полицейских собак, изданных Особым Отделом Канцелярии Наместника 27 января 1912 г., работа собаки без сомнения дала бы положительные результаты, то преступно с точки зрения служебных интересов такое отношение чинов полиции, которое явно свидетельствует о злом умысле убедить население в полной непригодности полицейских собак» [4].

В доказательство приводятся два случая. Полицейский пристав прибыл на место только что совершенного убийства со стражей, дрессировщиком и собакой, об исключительных способностях которой жители окрестных селений были наслышаны. Вопреки требованию «Основных правил...» пристав предварительно приказал стражникам отнести тело в ближайшую избу, находившуюся в двух верстах от места преступления, затем разрешил родственникам снять одежду с убитого, обмыть, обрядить в саван и лишь после этого приказал пустить собаку на след, дав понюхать снятую одежду, причем, несмотря на протесты дресси-

ровщика, не с места преступления, а из избы. Нет ничего удивительного в том, что собака вывела полицейских на место преступления и бросилась лаять на стражников, которые уносили труп с места происшествия. Такой «результат убедил зрителей в полной непригодности полицейских собак, что подтвердил тут же громогласно и сам пристав» [5].

В другом случае пристав на просьбу пришедших к нему крестьян пустить служебную собаку для обнаружения только что совершенной кражи ответил, что собака ничем помочь не сможет, в то время как эта собака в другом полицейском участке под наблюдением толкового пристава в двадцати восьми случаях раскрыла всех злоумышленников, причем шестнадцать из них настигла с поличным. Однако, уступая настойчивым просьбам крестьян, пристав обещал прислать собаку на днях; лишь на четвертый день она была отправлена на место кражи, то есть тогда, когда следов злоумышленников не осталось во все, и, разумеется, «отказалась» работать.

Подобные случаи наблюдались не как единичные факты и обращали на себя внимание еще и потому, что «непригодная» собака, переведенная на другой полицейский участок под наблюдение добросовестного пристава, начинала работать вполне успешно, вызывая недоумение и справедливое негодование жителей прежнего участка [6]. Причины подобной «недобросовестности» очевидны: либо элемен-

тарная некомпетентность (в том числе – безразличие пристава к своим служебным обязанностям), либо его личная заинтересованность в сокрытии преступника; с учетом массового отказа в использовании служебных собак на территории Кавказа и Черноморской губернии вопрос о компетентности и объективности тамошних полицмейстеров остается открытым...

В случаях же применения служебных собак, как уже указывалось, значительно повышалась эффективность сторожевой, охранной и сыскной деятельности,

что обуславливает необходимость исследования и описания данного опыта.

Примечания:

1. Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОАГН). Ф. 45. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
2. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
3. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
4. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3. Л. 27об.
5. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3. Л. 27об.
6. АОАГН. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

А.А. Черкасов *

**МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ БОЕВ
НА УМПЫРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (1942 Г.):
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ДИВЕРСИОННОЙ ОПЕРАЦИИ РККА**

В конце лета – начале осени 1942 г. в предгорьях Лесного Кавказа в зоне Умпырского перевала разворачивались активные боевые действия. Немцы сравнительно быстро оценили невозможность выхода на Сочи через Фишт-Оштенский массив и перевал Аишха и заменили две егерские дивизии на полк 4-й горнопехотной дивизии. В новых стратегических условиях подразделению 4-й гпд вменялось в обязанности осуществлять активную оборону Умпырского перевала и рубежей близ Белореченского перевала и лагеря Холодного (Псеашха). При этом Умпырский перевал имел стратеги-

ческое значение, так как он прикрывал коммуникационные пути по горному Кавказу. Нарушение этих путей вело к серьезным последствиям – выходу противника на коммуникации и, как следствие, усложнению обеспечения горных и высокогорных подразделений Третьего рейха продовольствием и боеприпасами. Даже локальное наступление советских войск из этого района ставило под сомнение дальнейшее наступление немецких войск в битве за Кавказ. Поэтому в ходе осенних боев интерес к Умпырскому перевалу у советского командования был значительным. После нескольких

* Черкасов А.А. – к. и. н., доц., зав. каф. отечественной истории СГУТиКД.